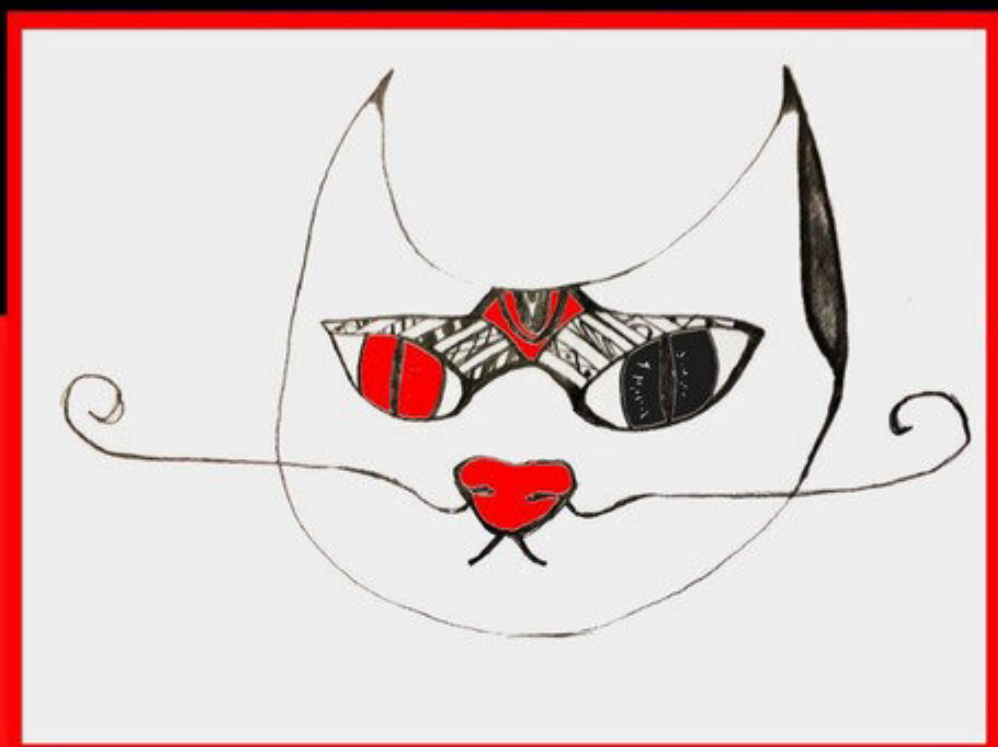

18+

Джио Россо

Добрые злые сказки

Джио Россо

Добрые злые сказки

«Издательские решения»

Джио Россо

Добрые злые сказки / Джио Россо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601901-0

Сборник стихов современного сетевого поэта Джио Россо. В данной книге вы найдете избранные тексты автора с 2014 по 2021 год.

ISBN 978-5-00-601901-0

© Джио Россо
© Издательские решения

Содержание

Моя Мари	6
Письмо	7
Запомни меня	8
«Солнце в зените...»	9
Игра	11
«Двадцать третьего числа...»	12
Пока ты спишь	14
«Зови меня Капитан-Беда...»	15
Скиталец-Макс	16
«Спокойной ночи, Мария...»	17
«Знаешь, Мэри...»	19
Ты пальцем стираешь с окна тонкий лёд...	21
Смотри, какая здесь темнота...	22
Беги	23
«Можно тебя на пару ночей?...»	24
«Бьётся ли сердце моё?...»	25
«Сегодня в полночь на перекрестке...»	27
«Море...»	29
«Солнце скользит по нагретым крышам...»	31
«Он скован в тягучей сонливости дней...»	33
Он построит новый красивый город...	36
Сказка о вечности	37
Когда увидишь мой смятый след	38
«Прожектор лунного луча...»	39
Целуй меня	41
«Научи меня так говорить – будто прясть...»	42
«Это странное чувство перед большим дождем ...»	43
Лоскут	44
«Тени деревьев танцуют за окнами...»	45
Бейкер-стрит	46
«Скорый поезд до города N, где солнцем согрета земля...»	47
«Танцуй на острых клыках огня...»	48
«Я не верю в красную нить судьбы...»	49
«Двадцать тысяч лье...»	51
«Кафельный пол, на стенах трещины...»	53
«Ты однажды придешь в мой дом...»	55
«Год за годом, двадцать четыре на семь...»	57
«Это мой первый раз ...»	58
«Если есть дорога, то есть и дом...»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Добрые злые сказки

Джио Россо

© Джио Россо, 2023

ISBN 978-5-0060-1901-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя Мари

Прошлое – это прекрасно, моя Мари,
только с собой его, милая, не бери.
Лучше оставь его в бабушкином сундуке,
или у мамы в шкатулке, но в рюкзаке,
что ты несешь за плечами, его не храни,
слишком тяжелый камень, моя Мари.

Прошлое – это как детство, скажи прощай,
изредка воскресеньями навещай.
Но никогда в глаза ему не гляди,
прошлое – это зараза, моя Мари.
Белый осколок чашки, причуда, пыль,
и на земле лежащий сухой ковыль.

Это товар без возврата, пробитый чек,
смуглый мальчишка с родинкой на плече,
что целовал под саваном темноты,
первый бокал мартини, табачный дым.
Всё, что когда-то выгорело костром:
истина, безмятежность, невинность, дом.

Ты не святая, зачем тебе этот крест? —
сотни опущенных рук, опустевших мест.
Всё, что не прижилось и не проросло,
даже вот это ангельское крыло.
Выбрось его с рождественской мишурой,
смело шагай под звёздами, громко пой.

Прошлое – это так больно, моя Мари,
всё, что нельзя исправить и изменить.
Каждое грубое слово, кривой совет,
тот утонувший в море цветной браслет.
Слёзы на выпускном и последний вальс.
Что-то хорошее тоже, но в том и фарс:

это есть якорь, что тянет тебя ко дну,
в прошлый четверг, в растаявшую весну.
Если не сможешь и не шагнешь вперед,
то, что давно истлело, тебя сожрёт.

Брось его в пламя, гляди, как оно горит,
полку освободи для другой любви.
Прошлое – это прекрасно, моя Мари,
только с собой ни за что его не бери.

Письмо

Привет, молодые и глупые, смешные, босые и пьяные. Идущие стаями, группами, и те одиночки упрямые, что мечутся между высотками, скрывают глаза капюшонами, пытаются быть беззаботными, но курят ночами бессонными. Привет, дети солнца и воздуха, потомки известных мечтателей, рожденные вспышками космоса в утробе галактики-матери. Беспечные, хрупкие, колкие, с щеками, от холода красными, с забытыми книжными полками, с глазами тревожно-опасными.

Привет, я пишу из столетия, где дальние тропы исхожены, где были открыты созвездия, на ваши совсем не похожие. Где Марс обустроен жилищами и можно экспрессом до Ригеля. Где нет ни святого, ни нищего, где деньги не цель и не двигатель. Здесь нет ни войны, ни оружия, здесь бомбы в музеях истории, секреты не нужно выуживать со вражеской территории. Здесь, в мире, обретшем гармонию, мы смотрим на вас, наше прошлое, на Землю, что бьется в агонии, чье сердце больно и изношено. На атом, на нефть, на правителей, на всех подневольных и страждущих, на вечно обманутых зрителей, на новости, лгущие каждому. На тех, кто оторван от берега, на брошенных и на предателей. На женщин, что бьются в истерике, на слезы, что пролили матери. На мальчиков, пулями скошенных, на плоть, испещренную ранами. Мы смотрим на вас, наше прошлое, больное, безумное, странное.

Привет. Не печальтесь о сказанном, не стоит твердить о напраслине. Проснитесь однажды, и разом вы сделаете что-то прекрасное. Идите с улыбкой без горечи, сердечному голосу следуя, бегите, хватаясь за поручни, по лестницам, страха не ведая. Дышите дорогой и странствием, желанием нового, светлого, ночами, закатами красными, весной, что пропахла запретами. И верьте в себя до последнего, толпу оставляя за спинами, не делайте жизнь трагедией, пустячную грусть культивируя. Провалы, проколы, падения, примите с буддистским спокойствием. И прочь отменяйте сомнения, берите тяжелое, большее. И вы, молодые и глупые – создатели, мира строители, кричите о радости в рупоры, носите победы на кителях. Влюбляйтесь, целуйтесь, безумствуйте, ведь в ваших руках настоящее. Не пользуйтесь ложной презумпцией слепой невинности спящего, что сном объясняет бездействие, держитесь другой траектории: стихами, аккордами, песнями пишите, творите историю.

Запомни меня

Запомни меня таким, как сейчас – беспечным и молодым, в рубашке, повисшей на острых плечах, пускающим в небо дым. Неспящим, растрепанным, верящим в Джа, гуляющим босиком, не в такт напевающим регги и джаз, курящим гашиш тайком. В разорванных джинсах, с разбитой губой, с ромашками в волосах, глотающим жадно плохой алкоголь, пускающим пыль в глаза. Нагим заходящим в ночной океан, пугающим криком птиц, с десятками шрамов, царапин и ран, с укусами у ключиц. Бесстрашным, отчаянным, смелым и злым, не знающим слова «нет», на унцию грешным, на четверть святым, держащим в ладонях свет.

Запомни мой образ, когда в полутьме целую твое лицо, запомни мой голос и след на стекле от выдоха хрупких слов. Запомни меня сидящим в метро и мокнущим под дождем, стихи напевающим богу ветров, и спящим, и пьющим ром. Смотрящим на то, как в костра дым и чад врезаются мотыльки. Горячим, горящим, влюблённым в тебя – запомни меня таким.

И если когда-то, спустя десять зим, ты встретишь меня в толпе, найдешь меня серым, безликим, пустым, ушедшим в чужую тень, схвати меня крепко, сожми воротник, встряхни меня за плечо, скажи, что я трус, неудачник и псих, брани меня горячо. Заставь меня вспомнить ночной океан, рассветы, ромашки, джаз.

Прижми свои губы к холодным губам,
заставь меня
вспомнить
нас.

«Солнце в зените...»

Солнце в зените,
я на орбите
ловлю фм-волну.

Петлями мой
оранжевый свитер
цепляется за Луну.

Кольца Сатурна
кружатся в танце,
вьются хвосты комет.

До мировых
космических станций
тысячи световых лет.

Скинут скафандр,
ставший ненужным.
Стало дышать легко.

И по глубоким
космическим лужам
можно гулять босиком.

Звездная пыль
в волосах и на коже.

Я
излучаю
свет.

Мимо идущий
Лунный Прохожий,
мне подает билет.

За поворотом
виднеется Ригель —
ярко горящий глаз.

Цирк-шапито
на метеорите,
клоун приветствует нас.

Жонглеры с Марса,
гимнастки с Венеры,

птицы с далекой Земли.

Мимо летят,
повинуясь ветру,
звездные корабли.

Вот майор Том,
в баре за стойкой
в джин добавляет лёд.

Тоже потерянный,
но еще стойкий,
хочет собрать звездолет.

Я улыбаюсь,
шагаю беспечно,
слушаю лунный блюз.

Я выбираю
космос и вечность.
И
навсегда
остаюсь.

Рядом шагает
беспечное детство,
сказкой с цветных страниц.

Космос теперь —
мое королевство.

Я – его
Маленький
Принц.

Игра

Мы играли весело целый год: я стоял на месте, ты шла вперёд. Ты держалась курса, я метил в цель. В промежутках были: коньяк, постель, сигареты, кофе, цветной экран, поезда, подземки, огни реклам. Кавардак, сумятица, ерунда; ничего о нежности, ни-ко-гда.

Это было правилом для двоих: ничего не значащий перепих. Не касаться сердца, не лезть в нутро, счёт вести по станциям на метро. Знать привычки тела, но не души, нет обета верности – нет и лжи. Не учить, не строить, не приручать. Проходить маршрутом: такси-кровать. Не стрелять в затылок, не бить под дых – это было правилом для двоих.

Это было правильным – мир жесток. Если только выставишь голый бок, если только скинешь с себя броню, то сейчас же выкосят на корню. Если дашь предательски слабину, то разбитым бригом пойдёшь ко дну. А решишь открыться, ну что ж, держи: получай картечью по струнам жил. Будь сожжённым заживо, но терпи, только опыт в памяти закрепи. А любовь – лишь фикция, просто страсть, половые фрикции, пот и грязь. Коматоз рассудка, прыжок во тьму. Ни к чему нам всё это. Ни к чему.

Мы играли весело целый год: покрывался звёздами небосвод, снег летел на шапки, свистел Борей, теплотрассы нежили голубей. Ты смеялась весело и легко, и ловила искорки языком. И зачем-то в рёбрах сердечный ком трепыхался каменным мотыльком. И зачем-то я растерял запас всех банальных слов, всех избитых фраз. Растворились уличный шум и гам, и народ, что двигался по домам. Я стоял, заполнившись вдруг свинцом, и держал в ладонях твоё лицо, повторяя пальцами контур скул.

Я пропал, любимая, я продул.

«Двадцать третьего числа...»

Двадцать третьего числа
такого-то года и такого-то месяца,
я арендую старый Кадиллак
цвета сигаретного дыма,
и поеду в Голливуд,
терпким черешневым вечером,
шурша по асфальтовой коже
новой грубой резиной.

Я проложу маршрут мимо песков и кактусов,
мимо жестяных указателей,
скрипящих на ветру,
мимо придорожных кафе,
принимающих людей без статуса,
где запах марихуаны
из ноздрей проникает в грудь.

Я выпью невкусный кофе
из грязной чашки,
в одном из таких заведений,
пролив пару капель на ткань
не идущей к лицу крахмальной рубашки,
столкнусь в туалете с парой седых привидений.

Может быть, даже ввяжусь в небольшую драку,
посажу синяк на скулу, разорву манжеты,
и, закурив сигарету,
снова сяду за руль.

Старый пикап, со следами от пуль,
промчится мимо, обдав меня облаком пыли.
Расправляя помятые крылья,
над головой пролетит крикливая птица
с острыми когтями.

Почему у призраков не отражаются лица
в зеркалах?

Почему не болит и не тянет,
даже если я так далеко?

Даже если я всё ещё помню
дорогу назад?

И стальные прутья балкона,

и облупившийся желтый фасад?

Я засну, остановившись у обочины
и накрывшись кожаной курткой.
Разбуженный болью в позвоночнике
и зябкостью раннего утра,
утолю жажду теплым, противным пивом,
и вернусь на дорогу.

Ведь где-то за поворотом этого мира,
вне радиуса зрения Бога,
меня ждет Голливуд,
красивый и блестящий,
как конфета в цветной обертке.

И если я не обрету там счастья,
то застрелюсь из отцовского кольца.

Но стойте —
у меня еще есть пара-тройка шансов,
пара сменных рубашек,
пара смелых улыбок
и пачка сигарет.

Солнце палит, ветер беспечен и ласков,
и с холмов Голливуда
мисс Мэрилин
шлёт мне привет.

Пока ты спишь

Пока ты спишь, спокойно спишь в воздушном замке под луной, по гребням разноцветных крыш крадется кошка за звездой. Взмахнув неоновым хвостом и растревожив гладь небес, пытаюсь цапнуть Орион и метя прямо в Южный крест, гигантский совершив прыжок сквозь миллиарды световых, вдруг приземляется у ног не знавших отдыха моих. Я пью шербет из сладких роз на пышных марсовых лугах, где пухлощекий паровоз скользит по рельсам в облаках. Здесь сильфы ласково поют, играя с прядями волос, и бородатый добрый дух кружит со старыми стрекоз. Здесь музыка небесных сфер и невесома и нежна, и по горячей коже тел порхает пальцами весна. Здесь серебристая пыльца снежинками летит с небес, но обод парного кольца меня опять ведет к тебе. Ведет к тебе в сырую тьму, где осень царствует и бьет. Где красногрудую листву неумолимый дворник жжет. Где есть заботы и дела, и неудачи, и враги.

Но ты, я знаю, ты – смела.

И я люблю тебя любить.

И я несу тебе со звезд цветные, сказочные сны. Где медь, слюда и купорос, где пять мгновений до весны. Где замки тонут в облаках, где рыбы с синей чешуей, где есть оазисы в песках и слышен оборотней вой. Пока ты спишь, спокойно спишь, под щеку подложив ладонь, по гребням острых крыш скользит румянящий огонь. И солнце льнет в твою кровать, впуская раннюю зарю.

Влюбись в себя, люби себя.

Люби, как я тебя люблю.

«Зови меня Капитан-Беда...»

Зови меня Капитан-Беда,
король больших Невезучих вод.
Быть неудачником тоже дар,
и в этом деле я взял джекпот.
Я не уверен в грядущем дне:
смогу ли завтра открыть глаза,
умыться, наскоро съесть омлет,
потом отправиться на вокзал.
Оттуда в офис: тик-так, тик-так,
(лишь час обеда не прозевай).
По волнам циферок и бумаг
меня уносит в дремотный край.
Мне душно, муторно, как и всем,
и, как и всех, меня тянет спать.
Я слился кожей с бетоном стен
и мимикрировал под асфальт.

Ну что ж, ведь я – Капитан-Дурак,
король семи Шутовских морей.
Я превращаю любой пустяк
в такую драму – хоть плач, хоть пей.
С востока движется ураган,
мой бриг качается и скрипит.
Чумазый парус в заплатках ран,
и компас старенький барахлит.
И в сотый раз я молюсь богам —
пусть мачты выдержат натиск волн.
Пусть мой корабль – труха и хлам,
но есть же всё-таки волшебство?

Но есть же всё-таки шанс пройти,
пусть поломав и бушприт, и фок?
Так, если веришь – меня веди
по перекрёсткам морских дорог.
Так, если веришь, кричи в ответ,
когда услышишь, что я зову.
Твой голос тянет меня на свет,
и я плыву за ним,
я плыву.

Скиталец-Макс

Под небом в крапинках звёздных клякс, подставив ночи худую грудь, шагает бодро скиталец-Макс, не суть – куда, но куда-нибудь. Карманы, полные медяков, рюкзак и ворох дорожных карт. Сбивая с города пыль веков, смеётся ветреный юный март. И Шельда – чистое серебро, несёт кораблики на восток, где месяц, жёлтую выгнув бровь, висит недвижимо над мостом. Антверпен весел, но очень стар, здесь в переулках гуляет миф. Снижая шансы дожить до ста, Макс замедляется, закурив. Его бессонная голова вмещает тысячи городов. Искать, исследовать, узнавать, меняя дюны на глыбы льдов...

Он понял истину год назад, когда усталость сломила дух: не стоит гнать себя в самый Ад, тащась за кем-то на поводу. Макс с детства шел за чужой мечтой, под зорким взглядом отцовских глаз. Пытаясь свой изменить покроем, стараясь свой изменить окрас, в конечном счёте он стал никем, безликой тенью в густой толпе. Он лгал себе, отрицая плен, учился мучиться и терпеть. Вести себя, как тебе велят, скрывать смешки, выбирать слова, глотать безропотно горький яд упрёков, брошенных за провал. Он должен был одолеть предел, стать Крёзом, новым царём горы.

...но Макс ведь этого не хотел, и выбыл в самый разгар игры. Он безрассудно рванул стоп-кран, и спрыгнул с поезда в пыль и дождь. Что мир – не лужа, а океан, узнал – и тело пробила дрожь.

Как замечательно быть собой, спать без кошмаров, смеяться всласть! С горящим сердцем идти на бой, а оступившись – ну что ж, упасть. Носить медалями синяки, да, ошибаться, но самому. И не бояться подать руки, любить, и смело шагать во тьму. И соль, и слёзы, и пот, и шрам – всё это опыт, не стоит ныть. Но Макс не трус, он не любит драм, он знает – боль помогает жить. Он исцелился лишь год назад, послав всех гуру и мудрецов, и понял истину: ты богат, когда свободен. В конце концов, есть небо в крапинках звёздных клякс, и тёплый ветер, и долгий путь. Идёт по миру скиталец-Макс.

И он единственный знает суть.

«Спокойной ночи, Мария...»

Спокойной ночи, Мария.
Я твой подкроватный монстр.
Силой своей любви я
делаю теплым воздух
в доме твоём,
где нет камина и печки,
и даже горячей свечки,
мерцающей на столе.

Пожалуйста, не болей.
Пей нагретое молоко,
закатанных рукавов
остерегайся.
Тщательней одевайся
в вязаные свитера.
Не сиди до утра
с заумными книжками.
Не улыбайся мальчишкам
из соседнего двора.

По вечерам
я вижу твои ступни
маленькие и босые,
через узкий просвет
между кроватью и полом.

Я видел тебя голой,
расстроенной, плачущей, злой.
Я видел тебя собой.
Я видел тебя любой.
Такой, как никто другой
никогда не увидит.
Я твой самый верный зритель.

И пусть у меня нет роз
и даже искусственных лилий.
И пусть твои подмости —
всего лишь дощатый пол,
прими мою любовь,
безмолвную, как огонек,
блуждающий в темноте.

На остром твоём плече
есть родинка в форме зайца.

Пожалуйста, не влюбляйся
в плохих людей.

И, заправляя постель,
не заглядывай под кровать.

Я хотел бы тебя целовать
и баюкать наших детей.
Но покуда я всего лишь тень —
я стану тенью твоей,
твоей бессменной охраной.

Не просыпайся рано.
Не улыбайся печально,
не позволяй отчаянию
взять верх.

И когда ты сидишь на полу,
прислонившись спиной к кровати,
и наблюдаешь игру
каких-то дурацких актеров,
от сухости сводит горло,
я чувствую запах кожи,
твоей.
И так мучительно-сложно
сдерживать себя.

И в тысячный раз повторяя:
«спокойной ночи, Мария»,
отчаянно жажду быть тем,
кто будет держать твою руку,
и каждый день говорить тебе:
«счастливого
тебе
утра».

«Знаешь, Мэри...»

Знаешь, Мэри,
в моей голове
звери.
Они бы тебя
съели,
если бы я разрешил.

Но я их гоню из прерий,
на ключ закрываю двери.
Сидят на цепях звери,
на ржавых цепях души.

А звери мои
ночью,
рвут кожу и плоть
в клочья.
И каждый их клык заточен.
Играют на струнах жил.

Но
все-таки,
между прочим,
/пусть я и
обес
точен/
ты вся,
до ресниц и точек —
причина того, что я жив.

Беги от меня, Мэри,
/прижмись же ко мне теснее/.
Спасайся скорей, Мэри,
/ничто тебя не спасет/.

Коснувшись тебя, Мэри,
попробовав раз,
звери,
живущие в моем теле,
хотят еще и еще.

Ты знаешь, Мэри,
есть истина в вине и теле,
религии и постели.
Но я отыскал в тебе.

И пусть сегодня
другой одеяло грею,
но спят мои злые звери,
тебя видя в каждом сне.

Поверь, я больше не буду зрителем,
скрываясь в своей обители,
до самых последних дней.

Я прилечу с Юпитера,
в квартиру твою в Питере.

Мэри,
стань укротительницей
моих
диких зверей.

Ты пальцем стираешь с окна тонкий лёд...

Ты пальцем стираешь с окна тонкий лёд, мечтая о скором приходе весны. Под камень лежачий вода не течёт, но спину не выпрямить – стены тесны. Захочешь подняться и лоб расшибёшь, да теменем ты подопрёшь потолок. Здесь снег круглый год, но куда тут уйдёшь, когда все дороги вокруг замело? Остыли сердца, батареи и чай, от холода трудно и хрипло дышать. И пальцы немеют, и зубы стучат, маячит пятном в полумраке кровать. «Тик-так» – произносят часы на стене, пугая тебя до подкошенных ног. Когда же закончится эта метель, и в сонной квартире раздастся звонок? Здесь, в белом плену, заблудившись в себе, оставшись без карт, старый компас разбив, ты, будто в бреду, в пустоте, в тишине, известный лишь нам напеваешь мотив...

Приём. Я пишу тебе, но адресат, сказали на почте, затерян в снегах. В твой город не ходят давно поезда и боинги тонут в густых облаках. Оборвана связь и потерян сигнал, мосты перекрыты, шоссе занесло. Там иней на ветках и скользкий металл, там ветер шипит беспокойно и зло. Но знаешь, мой друг, всем табу вопреки, я вижу тебя через ширму снегов. Я вижу окно, кисть замёрзшей руки, движение губ в повторении слов. Твой взгляд измождённый, твой облик больной, на плечи накинутый ношенный твид.

...но как мне спасти тебя, если стеной Великой Китайской твой холод стоит?

Ты помнишь, ты знаешь, как пахнет весна? – Цветущими вишнями, свежей листвой, капелью стучит и лишает нас сна, щекочет волнением в клетке грудной. Той девушкой, что украдёт поцелуй, насмешливо-рыжей, ворвётся в дома. Ты жаждешь тепла? – Так бери, не пасуй! Хватай с неба солнце и прямо в карман клади его смело, беги во весь дух, запутавшись в кедах и длинных шнурках. Я здесь, за снегами, я рядом, мой друг. Окликни меня, удержи за рукав. Мы так далеки, что застрянут слова, но нужно немного: «привет» и «спаси». Ты в цепи из льдинок себя заковал, захлопнул все двери, весну не впустил. Но бьётся под снегом бесстрашный родник, зажжённая спичка сильнее, чем тьма. Уйдут, разлетятся снежинками дни; не вечна печаль и не вечна зима.

Смотри, какая здесь темнота...

Смотри, какая здесь темнота – луна под бархатным колпаком. Скривив невесело угол рта, умело травишься табаком. Вокруг отличнейший антураж: промозглый ветер, противный дождь. И кожа щёк до того бела, что мнится, тронешь – как лист прорвёшь. Давай, соври, что ты камень, сталь, что ты не сломлен, не слаб сейчас. И что не липнет к тебе печаль, как к материнской груди дитя. За ворот свитера льёт вода, стекает прямо на теплый бок, а в пальцах, что холоднее льда, трясётся спичечный коробок. И где-то там, в глубине зрачков, где волны плещутся о гранит, сигналом бедствия, громким SOS, твой внутривенный огонь горит.

Так замечательно быть для всех, одним за всех, за тебя – никто. Ты отгоняешь, как муху, смех, предпочитая лежать пластом. И рухнет небо, и рухнет мост, в конечном счёте, так рухнешь ты. Шагай по городу, мистер Фрост, тащи на тросе припай и льды. Пусть «как бы» хочется теплоты, и «как бы» хочется стать водой, но за кулисами мрак и стынь, и ты подмостков гнилых король.

Смотри, какая здесь темнота – куда черней твоего пальто. Огромный город шуметь устал, гоняет тени в пустом метро. А ты, дружище, ещё дитя, не ровня тяжести вековой. Запомни: всё на земле – пустяк, пока ты жив и стоишь прямой. Беги легко мимо грубых фраз, насмешек колких, чужой молвы, и мимо тех любопытных глаз, что кожу скальпелем с головы. Достань огонь из глубин зрачков, вспоров алеющий капилляр, и растопи ледяной покров, свой айсберг-груз подари морям. Стань крепче, звонче, ещё сильнее, не верь бессмысленной болтовне, и вопреки беспроглядной тьме, иди по солнечной стороне.

Беги

Беги. Нас двоих не удержит земля – такие уж мы титаны. Последнего выдоха не даря и взгляд отведя упрямо, накинув пальто на сутулость плеч, согбённых чужой любовью, и рыжих волос озорную медь резинкой связав тугою, шагни за порог, водрузив ключи на скрюченный гвоздь в прихожей. Беги так легко, обгоняй ручки, и сумкой сбивай прохожих.

Беги, там подхватит тебя метро, а после – трамвай усталый. И грея ладони горячим ртом внутри дребезжащей тары, забудь обо мне, раствори меня, как сахарный кубик в кофе. Последними всполохами огня закат пробежит по кофте, и рухнет у ног, опалив искрой лодыжку в чулке прозрачном. А после, смешавшись с густой толпой, найди в сигаретной пачке тайм-аут на пару скупых минут в борьбе с мировым гипнозом. Войди в сонный дом, где тебя не ждут, и где на обоях розы истерлись, поблекли, где мрак и пыль, где место под самой крышей. Но это – твой берег, твой порт. Там штиль, там слышно как стены дышат. И в нём, за шестнадцать кварталов до, вдохни глубоко и жадно, где нет ни меня, ни моих следов, и привкусом шоколадным ликёр пусть согреет твою гортань, тугие узлы развяжет.

Сгори. Возродись. Из костра восстань, и кожу отмой от сажи.

Скорей. Нас двоих не удержит земля – такие уж мы титаны. Пусть щеки и губы мои горят, пусть вскроются снова раны, но я побегу по ступеням вниз, сдвигая ладонью стены. Считая мерцающие огни, пульсацию слыша вены, я брошусь на улицу, врежусь в дождь, ускорившись до предела. Меня прожует и проглотит ночь, зубами раздавит тело, и тенью безмолвной швырнет в толпу спящих полночных пташек. И я ещё яростней побегу, туда, где рассвет не страшен. Здесь цель – равновесие всех планет. Нам рядом нельзя – разрушим. И если захочешь найти мой след, и город вдруг станет душен, запри себя в комнате на замок, прижмись к батарее тёплой. Я там, где граничат песок и мох, где лица туманом стёрты. Я буду спасаться, спасая нас. Я буду гореть, сгорая. Оставив сомнения про запас, держаться на шаг от края. Но двигаясь точкой, теряя нить, меняя Арктур на Вегу, я буду упрямо тебя любить весь срок своего побега.

«Можно тебя на пару ночей?..»

Можно тебя на пару ночей?

Можно на пару снов?

Тёплыми пальцами на плече, солнцем, что жжёт висок.
Тенью, проникшей в дверной проём, правом на поцелуй,
спешно украденный под дождём из острых взглядов-пуль.

Можно тебя на короткий вдох,

выдох, мурашек бег?

Время плести из мгновений-крох, стряхивать с шапки снег.
Общими сделать табак и чай, поздний сеанс в кино.
Петь под гитару, легко звучать музыкой общих нот.

Можно тебя в неурочный час,

в самый отстойный день?

Куртку неловко стащив с плеча, молча отдать тебе.
трогать ботинком осколки льдин, времени сбросив счёт.
По переулкам пустым бродить до покрасневших щёк.

Можно тебя на недолгий срок

в комнате для двоих?

Следом руки украшать бедро, выстроив ровный ритм.
Звёзды ловить, захватив балкон, кутаясь в темноту,
и перекачивать языком вкус твоих губ во рту.

Можно тебя, крепко сжав ладонь,

вывести за порог?

Выменять скучно-спокойный дом на пыль больших дорог.
Взять напрокат развалюху-додж и превратить в постель.
Громко смеясь, выносить под дождь жар обнажённых тел.

Можно тебя приучить к себе

и приручить тебя?

Мнению, обществу и судьбе бросить в лицо снаряд.
Делать лишь то, от чего в груди будет пылать пожар,
юными, смелыми обойти весь необъятный шар.

Можно тебя без тревог и мук,

без бесполезных фраз?

Знаешь, я всё говорил к тому:
можно тебя сейчас?

«Бьётся ли сердце моё?..»

Бьётся ли сердце моё?
Сердце моё бьётся ли?
Здесь за окном поёт
синей волной залив.
В комнате здесь кровать,
в комнате – дымный смог,
книг запылённых рать,
писанный маслом Бог.
Есть у меня огонь,
взятый у камелька,
есть у меня ладонь,
спрятанная в рукав.
Пляшет на стенах свет
тонким прямым лучом.
Столик да табурет —
нужно ли мне ещё?

Нужен ли мне восход
в дальних краях земли?
Гладь обнажённых вод
вспенили корабли.
В трюмах везут табак,
бочками спирт и ром.
Вслед им глядит рыбак,
взглядом, покрытым льдом.
Вслед им моя душа
смотрит с глухой тоской.
Правда ли этот шар
вертится сам собой?
Правда ли есть страна
где лишь один песок?
Сходит ли с гор весна,
там, где лежат у ног
белым ковром снега,
вечные, словно миф?
Можно ли отыскать
старый Барьерный риф?
Можно ли мне уйти,
не затворив дверей?
Ветер сырой впустив
в комнаты и постель.
Не написав картин,
не сочинив роман.
Можно ли мне уйти,
но не сойти с ума?

Но не сойти с тропы
выбранной наперёд,
чтобы ботинки в пыль,
чтобы пиджак вразмёт.
Чтобы забылось всё,
что оставляю здесь:
песни глубоких вод,
запах знакомых мест.
Вверить свою судьбу
мудрости древних звёзд.
Соль собирая с губ —
влагу счастливых слёз,
следовать по пятам
гибнущих Атлантис.
Может быть где-то там
сердце моё стучит?

«Сегодня в полночь на перекрестке...»

Сегодня в полночь на перекрестке,
где Вега встретился Альтаир,
я буду ждать тебя. Целый космос
дрожит и тонет в моей любви.
Дай угадаю – ты будешь в белом,
в руках – букет полевых цветов.
Ты будешь нежной, смешной и смелой,
и пахнуть вишнями и весной.
Мы зашагаем с тобой по звездам,
сминая пятками млечный путь.
И горько-сладкий подлунный воздух
нас поцелует в гортань и грудь.
И будут мимо лететь кометы,
хвостами вмиг разрезая тьму.
А под ногами – Земля и лето,
и за руку я тебя возьму.

Мы забежим погостить к Авроре,
прядущей звездное полотно,
монетки бросим в большое море,
зайдем в космическое метро.
Нас понесет желтоглазый поезд,
минуя Дубхе и Алиот.
И ты несмело глаза прикроешь,
подставив теплый и мягкий рот.
И будут пальцы гулять по коже,
и сладкой вишни медовый вкус.

Но кто ты?
Мы не знакомы, все же.

4:30,
и я
проснусь.

*

Я помню частности: кожа, губы,
ключицы, скулы, неловкость рта.
И как магнитом к себе тянула
твоя небесная красота.
Твои ладони со вкусом стали,
галактики посреди ресниц.
Как трещины на стекле сдвигались,
ломаясь и превращаясь в птиц.
Мираж, придуманный пьяным мозгом,

а может, демон, крадущий сны?
Твой город, голос, страна и возраст,
ответь мне – кто ты?
Да кто же ты?

Ты исчезаешь с рассветной дымкой,
под трель будильника в тишине.
И только ласковая улыбка,
лишь это – то, что осталось мне.
Так больно, страшно и безнадежно —
секундой раньше держать в руках,
секундой раньше – касаться кожи.
Но утро все превращает в прах.

И снова в полночь, на перекрестке,
у автострады других миров,
я жду тебя.
Я одет неброско,
в руках букет полевых цветов.

Ты незнакомка,
ты – страсть и нежность,
ты – тяжесть в сердце и боль в груди.

Я просыпаюсь с пустой надеждой
в реальном мире
тебя найти.

«Море...»

Море,
пребывающее в состоянии покоя,
под твоими пальцами
вспенивается
штормом.

Осознавай последствия – не прикасайся ко мне рукой,
не красней пунцово,
задергивая шторы.

Лучше
завари нам чаю, преправленного печалью,
дорогами дальними
и
корицей.

Как масло, намажь отчаяние
на хлеб,
раздели
и отдай синицам.

Чудесный вторник, чудеснейший.
Поговорим о погоде, о твоей крестнице,
главное – не о будущем
или прошлом.

Не совершай оплошность.
Действуем осторожно.

А лучше – давай помолчим.

Ах! Из рта вылетают слова-моллюски,
кружат над огарком свечи,
щупальцами оплетают люстру.

Через открытую форточку всплывают слова-акулы,
мурены, скаты
и белые киты.

От нежности сводит скулы.

И невод забрасываешь ты
с ловкостью заядлого рыбака,
опытного морского волка.

И розовые облака осыпаются
дождем
на шаткую книжную полку.

Губы твои – восхитительная наживка,
для маленькой рыбки кои,
заблудившейся в большом море.

Время тягуче и зыбко,
я глотаю твою улыбку,
как стальной крючок.

Ответь:
ты веришь в меня
еще?

И цепкой актинией раскрывается твоя рука.

Осознавая последствия,
я касаюсь твоей ладони.

Море вспенивается. Расступаются берега.

Мы тонем.
Мы тонем.
Мы тонем.

«Солнце скользит по нагретым крышам...»

Солнце скользит по нагретым крышам,
плавит латунь и медь.
Вьются знамёнами волосы рыжих,
Бог расставляет сеть.

Я, юрким карпом, лавирую ловко
между цветных машин.
Жизнь – это сложная головоломка.
Как же ее решить?

Лето танцует под музыку улиц,
скачет подкожный пульс.
Юные дети шагают, целуясь,
прячут сердца от пуль.

Бог – старый снайпер, держит на мушке.
В смуглых ладонях сталь.
Смерть, улыбаясь, шепчет на ушко:
«я выхожу искать».

Пух тополиный бежит по асфальту,
где-то поет свирель.
Ноты тихонько касаются пальцев.
Бог намечает цель.

Брошенный кот и ненужный ребенок,
прячут в груди печаль.
Город глядит безразлично и сонно,
лучше не замечать.

Каждый потерянный и одинокий
ищет свою судьбу.
Мир открывает все карты, дороги,
лучше поверь ему.

Нет ничего, что не покорится
смелости и добру.
И самолет из бумажной страницы
сможет обнять Луну.

Легкой дороги неловким и странным,
сломанным и смешным.
Пусть ветер странствий залечит раны,
будут незримы швы.

Дети-бродяги, дети-скитальцы,
не опускайте глаз.
Просто сражайтесь, боритесь за счастье.
Время одно – «сейчас».

Утро июньского воскресенья —
чистое волшебство.
Лето дает тебе шанс на спасение,
не упускай его.

«Он скован в тягучей сонливости дней...»

Он скован в тягучей сонливости дней,
текущей по стенам квартиры в хрущёвке.
Он словно залипшая кнопка 'rerplay',
и в мае в углу стоит пыльная елка.

Нависшее вымя густых облаков
вонзает в глаза его молнии-спицы.
И время проносится мимо него,
как кролик с часами мимо Алисы.

Он заперт. Он пленник тяжелой судьбы,
сплошных неудач и позорных провалов.
«Подняться», «ускориться», «если бы», «бы», —
порывы опять гложут под одеялом.

И ночью он шепчет в подушку: «Господь,
Всевышний, Ганеша и Будда,
так, если вы есть, и во мне ваша кровь,
прошу, покажите мне чудо».

И Бог улыбается краешком губ,
и крутит в ладонях своих папиросу.
Он мудр и стар, и немножечко груб,
и в сердце его антрацитовый космос.

Но пальцы его перемазаны в пыль,
волшебную звездную пыль с Альфераца.
Он любит усталых, неловких, кривых,
больных и озябших, и низшего класса.

И вот человек идет по мосту,
подошвы устало скрипят по асфальту,
и пар вылетает с обветренных губ,
и мелко дрожат занемевшие пальцы.

Но луч разрезает ночной небосвод,
и сыплется вниз белоснежная пудра.
А рядом стоит, усмехаясь, Господь.
И шепчет: «смотри,
это первое чудо».

Ступая все дальше в ночной тишине,
укутанный снегом и воющим ветром,
идет человек, тенью в свете огней
стальных фонарей, шагает к рассвету.

И где-то, на перекрестке дорог,
он видит бездомного, в порванной куртке,
за ним бежит пес, он промок и продрог,
и манит их сонность пустых переулков.

И этот бездомный, обшарив карман,
находит кусок зачерствелого хлеба.
Он делит его, съедая часть сам,
вторую – отдав псине тощей, облезлой.

И Бог произносит простые слова,
и голос его вливается в уши:
«смотри, это чудо под номером два.
Добро, что спасает погибшие души».

И в шесть, человек заходит в метро,
проходит к началу пустого вагона.
И в сердце его, пусть чуть-чуть, но тепло,
и может, не так безнадежно и злобно.

На станции в поезд заходит народ,
и в серой толпе полусонного люда,
он видит красивый, смеющийся рот.

И Бог говорит: «это – главное чудо».

Любовь заползает под плотную ткань
и стаю мурашек по коже пускает.
И так человека находит мечта,
и злая тоска от него отступает.

И Бог говорит, голос льется с небес,
и Бог улыбается, добро и мудро:
«весь мир состоит из прекрасных чудес.
Ищи. И найдешь свое личное чудо».

Этот город стоит на спине кита, он красив настолько же, сколь и стар, шпили башен воткнуты в небеса, от янтарных бликов слепит глаза. Там гуляют птицы по мостовым, и скользит по камешкам белый дым, там витает запах сырой травы, и Луна касается головы. Там цветы растут прямо сквозь асфальт, а под трели птиц безмятежно спать, там прохожих хочется целовать, и взлетают бабочками слова. Там танцуют желтые светлячки, огоньками крошечными в ночи, воздух очень сладок и очень чист, вечно зелен каждый древесный лист. Этот город стар, но беспечно юн, и ползет по стенам бессмертный выюн, там усталый путник найдет приют, и тебя, конечно же, тоже ждут.

И когда у тебя между ребер болит, просто вспомни – на небе есть синий кит, он сейчас, может быть, пролетает Мадрид, а быть может – над нашим домом парит.

Так давай сыграем с тобой в игру – ты даешь мне руку, и я веду, от осенних листьев и грустных дум, до созвездий ярких и ясных лун. Здесь кредит, работа, учеба, дом, но оставим все это на потом, мы войдем в космическое метро, обогнув коралловый атолл. А потом – по лестнице из дождя мы поднимемся, (я держу тебя), и ни слова больше не говоря, мы врата откроем из янтаря. Город встретит нас шумной болтовней бестелесных сильфов над головой, он красивый, радостный и живой, и как будто только для нас с тобой.

Ты смеешься, мой прагматичный друг? Значит, все же думаешь, что я вру? Я принес оттуда тебе звезду, вот, взгляни: под сердцем ее держу.

Этот город стоит на спине кита. А не веришь, можешь увидеть сам, подними свою голову к небесам – и сейчас он над нами ка-ча-ет-ся.

Он построит новый красивый город...

Он построит новый красивый город на могиле вырубленных лесов. Там, где облака обнимают горы, возведет уютный и светлый дом. Он посадит много цветущих вишен, вдоль дороги высадит тополя, и зеленой краской покрасит крыши, сделав их похожими на поля. Будет парк и пруд, и с десятков уток, пара ослепительных лебедей, и в любом из месяцев или суток, листья не оставят своих ветвей. Он проложит вымощенные дорожки и украсит радугой витражи, заведет собаку, и может, кошку, и на клёнах будут шуметь стрижи. Он подарит городу свое сердце – вечный двигатель и бесконечный свет, чтоб ее ладони могли согреться, его сердце будет всегда гореть. Он оставит городу свои руки, положив их в устье большой реки, нарисует голосом своим звуки. Звуки разлетятся, как мотыльки.

И когда последний кирпичик плитки ляжет на расстеленный тротуар, человек наденет свои ботинки, вокруг шеи теплый завяжет шарф, он запрет ворота замком надежным, ключ от них повесит себе на грудь. На огромном небе зажгутся звезды, и тогда он двинется в долгий путь. Он пойдет за реки, леса и горы, по его следам будет виться плющ, он пойдет, ведомый своей любовью, чтобы предать ей вот этот ключ. И на побережье большого моря, где с утра до ночи поет прибой, улыбнется ей, позабыв о горе: «я построил город, и он весь – твой».

И когда она рассмеется тихо, принимая этот прекрасный дар, человек вдруг станет бескостным вихрем, превратится в воду и белый пар. Став туманом легким, незримой дымкой, проведет ее до больших ворот, где ключом прозрачным, стеклянной льдинкой, она их тихо-нечко отопрёт. И тогда он станет травой и дёрном, застывая кожей своей асфальт, для своей любимой, но не влюблённой.

Чтобы было мягко ей наступать.

Сказка о вечности

Я расскажу тебе сказку о человечности, сказку о вечности я тебе расскажу. Небо качает звезды ладонями млечными, тихо ползет по облаку желтый жук. Мир на планете зиждется на неравенстве долларов, евро, юаней, рублей и вон.

Дженнифер Джонс не родилась неправильной.

Были неправильны мистер и миссис Джонс.

Школьная жизнь похожа на горки американские: завтра – падение, ну, а сегодня – взлёт. Ссадины на коленях заклеив пластырем, Дженнифер Джонс поднимается и идёт. Форма в пыли и юбка совсем измятая, драка сегодня со счетом четыре/ноль. И синяки расползаются темными пятнами, очень непросто быть на Земле другой. Ей не нужны ни платица, ни косметика, лучше с мальчишками бегать бы по двору. Галстук носить, лениво считать созвездия, да у соседки выкрасть бы поцелуй. Как ей ходить, задыхаясь, цепляясь рюшами? Складывать губы восторженной буквой «о»? Если машинки были ее игрушками, а от нарядных кукол несло тоской.

И когда мать приходит из школы, гневная, (знаете, Вашей дочери нужен врач), от ее крика мелко трясутся стены, и превращается в хрипы надрывный плач. Хватка отца безжалостная и цепкая, и на щеке от пощечины красный след. Каждое слово падает камнем, центнером, быть храбрым воином трудно в пятнадцать лет.

Только приказ родительский был не выполнен – у пациента под ребрами пустота. То, что сломалось – не склеить, да и не выпрямить.

Дженнифер Джонс делает шаг с моста.

Саймону Ли семнадцать – года тяжелые. Клёпки на куртке, да в глотке горчит табак. Вместе с друзьями опять прогуляли школу, тяжесть гитары лежит на его руках.

Взрослые всё решили – он будет доктором. Важный хирург, и в банке солидный счет. Будет квартира с большими стеклянными окнами, вид на красоты города круглый год.

Как объяснить им, что тошно от анатомии, от вида крови крутит узлом живот. Он живет музыкой. Он дышит ей и в ней же тонет, по вечерам в замшелом кафе поет.

«Брось эти глупости». Только вот «бросить глупости» – как на живую из сердца извлечь мечту. И, задыхаясь от чьей-то душевной скупости, Саймон под кожу вонзает себе иглу.

Нет ничего страшнее, чем быть незамеченным. Так страшно вырасти и потерять свой путь. Я расскажу тебе сказку о человечности, ты Расскажи ее детям. Когда-нибудь.

Каждый ребенок, чье сердце разбито взрослыми, и на чью шею Смерти легла коса, за крышкой гроба становится (вровень с звездами), рыцарем божьим в шелковых небесах.

Когда увидишь мой смятый след

Когда увидишь мой смятый след, услышишь выстрелы за спиной, поймешь, что против меня весь свет, поймешь, что мир на меня войной, оставь дела и запири в сундук, вели соседке кормить кота, рассеяв выдохом тишину, иди к знакомым тебе местам.

Лови сигналы на частоте, чужие сбрасывая звонки, (приметы: родинка на щеке и раздражающие шаги). Ищи меня в сводках новостей, в строке бегущей, в пустом окне, меня, продрогшего до костей, меня, стоящего в стороне. Меня, потерянного в себе и вечно спорящего с тобой, пускай меняется континент и пояс движется часовой. Пускай плывут под водой киты, а буревестник взлетает вверх, пока ты видишь мои следы, пока не продан последний смех, иди за мной, отыщи меня, в открытом космосе, среди льдин, от бега быстрого пусть горят глаза и щеки, и нет причин, чтоб защищать меня от судьбы и слепо следовать по пятам. И пусть на куртке осядет пыль, и пусть ботинки сотрутся в хлам, пока ты веришь в меня – я жив, и пусть тебе говорят, что я – всего лишь сказка, безумный миф, мозг пожирающий страшный яд, пускай меня отрицает свет, пусть от меня отказался бог, пусть я безмолвен, и глух, и слеп, и с губ слетает последний вздох, пускай меня замели пески, пусть под ногами дрожит земля, не отнимай от меня руки, не отрекайся, держи меня.

И до тех пор, пока ты со мной, пока ты веришь в меня еще, и на губах твоих моря соль, кусает ветер поверхность щек, а сердце гулко стучит в груди, и твой румянец затмил зарю, иди за мной, лишь за мной иди.

Ищи.

Я тоже тебя ищу.

«Прожектор лунного луча...»

Прожектор лунного луча
скользит по комнате.
Смотри:
танцует небо на плечах
большого города. Ахилл
пятой ступает на стекло
и издает предсмертный хрип.

Трясется деревянный стол,
и ощущается изгиб
твоей ладони на щеках
моих,
колючих, как наждак,
решимость превращая в прах.

И погружается чердак
в глубоких поцелуев звон,
одежды шорох и слова.

Как мячик отлетает стон
от стен. Ревнует голова,
ревнует сердце к ветерку,
что растрепал копну волос,
а ты возводишь к потолку
глаза (лазурь и купорос).

Я опрокидываю мир
на кривоногую кровать.
И зверь беснуется в груди:
(кусаться, ластиться, сжимать).

Но я молчу. Мой рот зашит
суконной нитью тишины.
Пусть город полуночный спит,
глота запахи весны.

Когда последний хриплый вздох
закатится в мою гортань,
ты смолкнешь, и смешливый бог
велит нам спать,
спокойно спать.

х

Змея рассветного луча

ползет по комнате.
Ты пьешь
невыносимо сладкий чай,
прикалываешь к платью брошь.

Привычно смаргиваешь сон,
целуешь в самый угол рта.
Там поезд ждет тебя, перрон,
билет к неведомым местам.

Мир двинется: и будет май,
подъезды, улицы, метро.

Я заточу любовь в янтарь,
и положу в карман пальто.

Целуй меня

Я обменял спокойный сон на невесомый поцелуй.
Пока ты в комнате со мной —
целуй меня,
целуй,
целуй.

Целуй меня, пока темно, пока зашторено окно, под звуки старого кино, под всепрощающей Луной. Когда на нас глазееет мир, в троллейбусах, такси, метро, под осуждением людским, под брань старушек, гул ветров. Под визг клаксонов, вой сирен, под грохот скорых поездов, прижав ладонь к дорожкам вен, не позволяя сделать вдох, к моим обветренным губам прильнув и затопив собой. Пускай в висках гремит тамтам, я знаю: так звучит любовь.

Целуй меня, когда я слаб, когда я болен и простыл, когда тоска из цепких лап не отпускает, и нет сил. Когда я выхожу на след, когда выигрываю бой, под шёпот старых кинолент, под песни, что поет прибор.

Пусть за порогом бродит чёрт, пусть порт покинут корабли, пусть будет хлеб и чёрств, и твёрд, и гравитация Земли исчезнет, мир затянет льдом, застынут стоки медных труб, мы будем греть друг друга ртом, дыханием с замерзших губ.

Пусть солнце плавит небосвод, и пусть болит, и пусть грызёт.

Я поцелую – всё пройдет.

Ты поцелуешь – всё пройдет.

«Научи меня так говорить – будто пряхь...»

Научи меня так говорить – будто пряхь,
чтобы нить оплетала твои запястья,
и тянулась к моим, становясь кандалами.
Научи меня так целовать, будто нами
управляют не деньги, не жажда и похоть.
Научи меня так обнимать, будто в кокон
крепко кутать тебя, и боясь шевельнуться,
слушать хриплые ритмы тягучего блюза,
наслаждаясь биением тихого пульса
под моим большим пальцем. Не строя иллюзий,
обещать себе верить в тебя до финала,
до последнего вздоха, до атомной бомбы.
И качаясь на волнах постельного жара,
прикасаться к твоим идеальным изломам
с восхитительным трепетом, гладить губами,
понимая, что мы совершенны лишь вместе,
понимая, что мы есть чистейшее пламя.
Научи меня быть беззастенчиво-честным,
не бояться суждения, слова, ошибки,
поцелуя в толпе, обещания, плача,
неумелости, смеха, широкой улыбки,
не бояться быть тем, кто считает иначе.
Превращая «люблю тебя» в слово-молитву,
твоей верой ведомым, всегда возвращаться
с обожженного поля бессмысленной битвы,
обнимая ладонями теплую чашку
черной байховой жижи с Луной из лимона,
целовать твои мягкие русые пряди,
прижиматься к коленям твоим, как к амвону,
обретая бессмертие в наших объятьях.

«Это странное чувство перед большим дождем ...»

Это странное чувство перед большим дождем —
когда древние боги танцуют, закрыв глаза.
Когда черные птицы когтями взрыхляют дёрн,
и с отчаянным криком врезаются в небеса.

Когда белые простыни, сохнувшие в саду,
тянут нити веревок, стремятся сорваться прочь,
когда ветер поет о смерти, касаясь скул,
мелкой стаей мурашек по телу проходит дрожь.

Бум! – и небо взрывается, яростно зарычав,
ты стоишь под потоком в одежде, но ты – нагой.
И рубашка, промокшей тряпкой прильнув к плечам,
вдруг становится инородной, совсем чужой.

Но как сладко... Как сладок воздух, как он тягуч,
и как жадно трепещут ноздри, вдыхая пыль.
Становись на колени, молись эшелонам туч,
раздевайся до кожи, сминая рукой ковыль.

Нет ни времени, ни пространства, есть только дождь.
Есть бездонное небо и глинистая земля.
Ты родился в воде, в воде же ты и умрешь,
так ныряй в нее глубже, отрезав все якоря.

Упивайся свободой, подставив лицо дождю,
омывай свое прошлое с тонких прикрытых век.
Я даю тебе истину. Истина – тот же ключ,
будь силён и спокоен, маленький человек.

А когда станет тошно, да так, что и не вдохнуть,
и под боком не будет дружеского плеча,
спрячь ладони в карманы, не трогай ногтями грудь,
дотерпи до того, когда будет дождливый час.

Прокричи свое имя, пусть ливень поглотит крик,
твои тонкие вены – извилистый водоём.
Пей холодные слезы господней большой любви.
Будь всегда молодым,
вечно пляшущим под дождем.

Лоскут

У меня между ребрами есть дыра, потому я ишу подходящий лоскут. Вот в кармане правом лежит игла, нить вокруг запястья – суконный жгут. Я иду по свету и свет со мной: спички неуверенный огонек разрезает тьму и сражаясь с тьмой, будоражит тени у самых ног. Они льнут к лодыжкам и сапогам, превращаясь в лужи тягучей тьмы. Бог найдет меня по сырým следам – черное на белой земле зимы. Я иду по Северу, в тишине, в бороде снежинки и на висках. Завывает ветер в грудной дыре и сжимает душу в стальных тисках. Я ишу заплатку, кусок сукна, или лист железа, простой картон, я иду туда, где цветет весна, пусть застрял в гортани печальный стон.

Говорят, за морем, за сотни верст, есть девица, краше самой луны, и она так ладно, искусно шьет, что из грёз тончайших латает сны. Будто нить ей сплел золотой паук, а кузнец небесный сковал иглу, и сукно, коснувшись умелых рук, шелковым становится. Поутру, когда солнце сонное к полю льнет, она в лес идет за полынь-травой, из цветов душистых рубашки шьет, да белье стирает живой росой. Говорят, в глазах ее блики звезд, говорят, что губы ее – как мак. Может та девица меня спасет? Пока я еще не песок и прах.

Я пойду за девять больших земель, ни воды, ни хлеба не проглотив. Пусть оскалит зубы ужасный зверь, пусть корабль мой налетит на риф. Я смуглее стану, но и сильней, пусть сотрутся новые сапоги, пусть заменит мне мох лесной постель, повстречаются на пути враги. Я пойду за сказкой, что ждёт вдали, чья игла острее, чем жало ос. И она зашьет мой разрыв в груди, ослепит сиянием русских кос. Пусть проходят дни и мой путь далёк, пусть мой бог совсем от меня устал, я пройду десятки кривых дорог, за тем самым ценным, что потерял.

«Тени деревьев танцуют за окнами...»

Тени деревьев танцуют за окнами,
море стучит об прибрежные камешки.
Лето врывается вдохами в легкие,
греет костров обжигающим пламенем.

Греет песком раскаленным, щекочущим,
красит загаром предплечья горячие,
по перекресткам будней клокочущих
смело шагает твоё Настоящее.

Видишь его в стекле старой булочной?
В зеркале автомобиля стоящего?
По свежевывытым, узеньким улочкам
быстро шагает твоё Настоящее.

Ну же, беги за ним, прочь от компьютера,
прочь от смартфона, учебника химии,
нити шнурков на кроссовках распутывай,
связывай крепко неровные линии.

Прочь из квартиры, спускайся по лестнице,
трогай перила ладонями теплыми,
скрипом подошвы, мелодией песенной,
голосом тихим, звенящими стеклами,

дом пробуди, и старушек на лавочках,
и голубей, полусонно воркующих.
Взгляд удержи на забывшихся парочках,
жадно горячие губы целующих.

Мимо котов, разомлевших на солнышке,
мимо прохожих, машин и троллейбусов,
мимо реки, где воды лишь на доньшке,
мимо бумажного смятого крейсера,

быстро беги, богом ветра, мгновением,
чьей-то улыбкой мелькнувшей/исчезнувшей,
бризом морским, вздохом и дуновением,
и нерастраченной, скопленной нежностью.

Только смелее, учись быть отчаянным,
крепко сжимая ладони дрожащие.
Непроторённый путь лучше и правильной,
ждёт за порогом твоё Настоящее.

Бейкер-стрит

Бежать по старой Бейкер-стрит, пугая сонных голубей. Сбивать, как ртуть, сердечный ритм, искать ногами в лужах мель. Скользить по мокрым мостовым, подошвами назло стуча, и разрезать туманный дым мечом фонарного луча. Бежать быстрее всех ветров, ладонью смахивая пот, пусть полы черного пальто, как крылья ворона – вразлёт. Дышать надрывно, тяжело, шипеть как кошка миссис Джонс, когда разбитое стекло врезается, как острый нож. Глядеть украдкой на часы, не разбирая, впрочем, цифр. И с пылом бешеной лисы, нестись, прохожих вялых сбив. И слыша чертыханье вслед, не бросить даже «извини», пусть песня маленьких монет в кармане весело звенит. Пусть Лондон стар, пусть Лондон сер, пусть полон тайн и мертвецов, пускай Луна бледна, как мел, и её скорбное лицо укрыто саваном из туч, и ей пора призвать рассвет, а Бог всемогущ и могуч,
но я бегу, бегу к тебе.

И пусть рассыплется слова страницами иссохших книг, пусть поседеет голова, застрянет в глотке слабый крик. Пусть будут жалить и колоть, пусть будут резать и кусать. Пусть тронет судорога плоть, я буду лишь бежать, бежать.

Бежать по сонным площадям, глотая воздух жадным ртом. Пусть я и варвар, и смутьян, и весь почти покрылся льдом. Пусть в горле жжётся и горит, и я не имя – имярек. Бежать по старой Бейкер-стрит,

но опоздать на целый век.

«Скорый поезд до города N, где солнцем согрета земля...»

Скорый поезд до города N, где солнцем согрета земля.
Моя непослушная Энн, ты все еще помнишь меня?
Здесь ржавый кленовый лист цепляется за рукав,
а теплая осень спит, свернувшись клубком на руках.
Ты всё ещё слушаешь джаз? Срываешь цветы орхидей?
Не любишь избитых фраз и дикость нелепых идей?
Ты больше не носишь кос? Не пишешь сюжеты драм?
И твой наглый рыжий пес не будит тебя по утрам?
А помнишь, как я читал судьбу по твоим рукам,
и солнце веснушек след размазало по щекам?

Платформа под номером пять, и поезд до города N.
А мне б повернуть время вспять, моя незабвенная Энн.
Я помню центральный парк, и твой покрасневший нос,
как я отдавал свой шарф и чушь несусветную нес.
Пустые вагоны метро, ты помнишь – друзья навек,
за поднятый ворот пальто мне сыпался мокрый снег.
Ты знаешь, я повзрослел. Стал сам на себя не похож.
Моя непослушная Энн, у взрослых вся истина – ложь.
Табачное тлеет нутро – я так и не бросил курить,
но если не ты, то кто, сумеет меня изменить?
А поезд до города N, уходит, по рельсам гремя,
моя невозможная Энн, ты все еще помнишь меня?

«Танцуй на острых клыках огня...»

Танцуй на острых клыках огня,
Танцуй, глаза закрывая.
Танцуй, сегодня луна – твоя,
и ветер тебя обнимает.
Танцуй, открывая небу лицо,
и смело шагай в бездну.
Гори, ведь в конце концов,
и ритмы гитар исчезнут.
Кружись, упиваясь теплым дождем,
и мокрой дорожной пылью.
Не верь никому – мы с тобой не умрем,
пока есть за спинами крылья.
Пока Земля вертится, и Млечный путь,
из Лунных ладоней льется,
танцуй, моя осень, когда-нибудь,
Ад Раем земным обернется.

Трещат кастаньеты в смуглых руках,
гитара легка и звонка.
Палящее солнце вязнет в песках,
скользит по прибрежной кромке.
Цыганская кровь под кожей кипит,
в груди отзывается эхом.
Танцуй, мое сердце, выстукивай ритм,
шуми заразительным смехом.
И сотни дорог впереди, сотни дней,
и сотни несозданных песен.
Мы вместе. А вместе – значит сильней.
Пусть каждый нам враг, а мир тесен.

Танцуй же, со мной или без меня,
о бедах своих забывая.
Гляди, я украл вороного коня,
и ключ от небесного края.
Гори, видишь, сердце мое горит,
песчинки царапают плечи.
Я буду любить тебя, слышишь, Лилит? —
Я буду любить тебя вечно.

«Я не верю в красную нить судьбы...»

Я не верю в красную нить судьбы,
и дожди, идущие в январе.
В горле комом горькое – «если бы».
Если бы ты только была моей.
Если бы я родился в надцатый век,
времена королей и железных лат,
Я бы вызвал на бой весь проклятый свет,
небеса и землю, Эдем и ад.
Ты смогла бы верить моим стихам,
и словам, что кровью звенят в ушах:
«Я тебя никому никогда не отдам»,
и «ты знаешь, чертовски болит душа».

Я рожден в двадцать первый, усталый век.
У меня – сквозная дыра в груди.
Я не вижу цветов и огней во сне,
только белую пудру сухой пурги.
Снег скрипит под ногами, мой Север тих.
И неважно, сколько ведет дорог,
Мне суметь бы только одну найти,
ту, что выведет прямо на твой порог.
Всё в тебе неуместно, но так легко.
Льется теплая медь золотистых кос.
Мне бы только коснуться тебя рукой,
и у ног свернуться, как верный пес.
Ты из солнца, и кажется, из песка,
сплетена из тонких, звенящих струн,
Поднебесных гор и прибрежных скал,
сизокрылых и яснооких лун.
Всё во мне – это иней, сырой туман,
сотни книжных страниц и табачный дым.
Я не знал, что такое – сходить с ума.
Я не знал – это значит, я был пустым.
В твоих венах – живая драконья кровь,
а во мне – металлический серый сплав.
Тот, на небе, кто раздает любовь,
в этот раз ошибся, так был не прав.

Я не верю в сказки, не верю в сны,
мы с тобой из разных земных широт.
Я не видел крыльев цветной весны,
всё во мне – это ломкий и колкий лед.
Только в руку врезается красная нить.
Двадцать третье холодное января.
Это бред. И такого не может быть.

Но на землю падают капли дождя.

«Двадцать тысяч лье...»

Двадцать тысяч лье
под
водой.
Которая плещется
Между
мною
и
тобой.
Я живу у тебя в груди,
За костяной закрытой дверцей.
Я – твоё
неизлечимо
больное
сердце.

Двадцать тысяч дней
без тепла.
Зима заблудилась в городе,
и не ушла.
Белой метелью влетела
в твоё окно,
Ставни закрыла,
и
залегла на дно.

Знаешь, а мне бы пару незримых рук,
Я бы варил тебе кофе, готовил чай.
Просто, пожалуйста, мой дорогой друг,
Сердце своё когда-нибудь повстречай.

Те, кто действительно необходим,
Не предадут и не причинят боль.
Пусть будет
он
сильным один,
И непобедимым
вместе
с тобой.

Двадцать тысяч лье
под
водой.
Которая плещется
Между
мною

и
тобой.
Я живу у тебя в груди,
За костяной закрытой дверцей.
Я – в тебя
безнадежно
влюбленное
сердце.

«Кафельный пол, на стенах трещины...»

Кафельный пол, на стенах трещины,
водопроводная грязь.
Я бы любил тебя, даже если бы
ты
не родилась.

Даже если бы
ты появилась на свет
мужиной,
чудовищем,
дьяволом,
деревом,
птицей,
одной из комет,
стрелой,
отчаяньем,
яростью,
стихией, что прячет в недрах Земля —
я бы любил тебя.

Даже если бы
ты не была
моей,
а была
подневольной,
рабыней,
чей-то женой,
подарившей ему дочерей,
сыновей.
Обезумевшей,
слабой,
смертельно больной,
собиравшей в ладони искры огня —
я бы любил тебя.

Даже если бы ты была создана,
ветром,
пеплом,
порохом,
бурей в пустыне,
островом,
океаном,
планетой,
городом,
той, никогда не любившей меня —

я бы любил тебя.

Кафельный пол, на стенах трещины,

тусклый, мигающий свет.

Я буду любить тебя, даже если

даже если

тебя

нет.

«Ты однажды придешь в мой дом...»

Ты однажды придешь в мой дом,
мой маленький дом в лесу.
Скажешь весело: «здравствуй, Том.
Я пришел. Ты проспорил су».
Бросишь пыльный рюкзак на стол,
и за ухом почешешь кота.
Белой глыбой с заснеженных гор,
в моем сердце умрет пустота.
Но я сделаю вид, что не ждал.
Не скучал, отмеряя дни.
Просто я очень сильно устал.
Я чертовски устал от любви.
От любви ко всему и всем:
к близким, женщинам и друзьям.
Ведь привязанность – тот же плен.
Полюбить – потерять себя.
Я один. Разве это грех?
У меня есть табак. И кот.
Я же счастлив. Счастливей всех.
И в груди не болит, не жжет.

Твой французский смешной акцент,
итальянский кипящий нрав.
Ставил су? Я поставлю цент,
(будто бы окажусь неправ),
ты, конечно, свернул с пути,
или встретил свою судьбу.
Или может, нашел синих птиц,
тех, что птицами счастья зовут.
И ты вспомнил, что где-то есть друг.
(раньше ты всем делился со мной:
сигаретой, теплом своих рук,
счастьем, горечью и виной).
Ты расскажешь, как мир постарел.
И про джунгли больших городов.
Что нет больше сражений и стрел,
не приходят колдуньи из снов.
Может быть, я в ответ промолчу.
Может быть, улыбнусь слегка.
Я отвык от эмоций и чувств,
став одним из кривых зеркал.
Ты отставишь вино и чай,
/ты все время куда-то спешишь/,
скажешь весело: ««не скучай»».
И уйдешь в свою новую жизнь.

Я один. Разве это грех?
У меня есть табак. И кот.
Я так счастлив. Счастливей всех.
Я счастливейший идиот.

Я допью свой остывший грог,
и на плечи накину пальто.
Прочь из дома, сквозь дым и смог,
безнадежно надеясь, что
ты однажды придешь в мой дом,
мой заснеженный дом в лесу.
Скажешь тихо: ну, здравствуй, Том.
Я пришел.
Я тебя спасу.

«Год за годом, двадцать четыре на семь...»

Год за годом, двадцать четыре на семь,
есть двое – ты и твоя тень.
Но, знаешь, в каждой секунде дня —
тень, что идет за тобой,
это – я.

Вот ты шагаешь по майской Москве.
Я, /большой частью/, невидимый в темноте,
защищаю тебя от демонов и злых людей.
Возвращайся домой скорее, моя Лорелей.
Мир закован в призрачный лунный лёд.
И по улицам тихо крадется ночь.
Ты, как миссис Офелия Тодд,
ищешь кратчайший путь.
И
исчезаешь
прочь.

Мягким светом мерцает синий экран,
в хрупкой кружке дымится горячий чай.
Я – та пыль, что спрятана по углам.
Не смотри на меня. Не замечай.
Я иду за тобой след в след. Охраняю сон.
Я сижу у кровати, закутанной в тишину,
что растает под первый трамвайный звон,
под будильника трель, объявляющего войну.
Знаешь, я – это снег и горячий песок.
На стене дрожащий причудливый свет.
Я за твоей спиной. И я – у твоих ног.
Я – это ты.
Но меня
нет.

Будь бесстрашной,
двадцать четыре на семь.
И пусть рядом только твоя тень.
Знай, что в каждой секунде дня,
тень, что идет за тобой,
это – я.

«Это мой первый раз ...»

Это мой первый раз —
мятных губ твоих вкус.
Это твой первый джаз.
Это мой первый блюз.

Ты – василиск,
и
я целую твои глаза.
Горек и сладок риск,
в жилах кипит азарт.
Ты закрываешь дверь,
я – срываю замок.
Ты говоришь: «зверь».
Я говорю: «Бог
отпустит мои грехи.
Если же я – волк,
значит,
беги.

Ты – приглушаешь звук.
/разум, спокойных снов/
Слово из шести букв?
– только бы не «любовь».
Делаешь шаг назад.
Плавится
пар
кет.
Шепчешь:
«нас ждет Ад».
Я говорю: свет —
это большой обман.
Света и Тьмы нет.
Свет – это ты
сам.

/ты – это мой свет/.

Ты – василиск,
и
я закрываю твои глаза.
Горек и сладок риск.
Сорваны тормоза.

Это твой первый джаз.
Это мой первый блюз.

Это мой первый раз.
Когда
я
лю
б
лю.

«Если есть дорога, то есть и дом...»

Если есть дорога, то есть и дом.
Если море есть, значит есть причал.
Мне не нужен меч, мне не нужен трон.
Я лелею только свою печаль.
Если слово есть, значит есть и смысл.
Если сердце есть, значит будет боль.
Если «я и ты», означает – «мы»,
из осколков льда соберу «любовь».

Я иду по краю своей судьбы,
неприметный странник, седой старик.
Снова «если бы», превращая в «быть»,
опускаю флаг, покидаю бриг.
И в ночной глуши, на лесной тропе,
я ложусь на влажный и мягкий мох.
Приходи ко мне, приходи во тьме,
дверь откроет Янус – двуликий бог.
Проведи меня по безумным снам,
будь моей Ариадной, затем – Лилит,
Где Землей становится океан,
где ложится тень у могильных плит.
Там, где шпили башен стремятся ввысь,
я приду устало к твоим ногам,
Под твоей рукой замирает рысь,
отчего же в сердце моем ураган?
Говори со мной, обнимай меня.
На воде круги, на руке рука.
На костях песок, на песке земля.
Длится сон лишь час, но прошли века.

Я проснусь наутро больным и злым.
Соберу котомку, накину плащ.
Раскурю табак, наколдую дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.